

**ФИЛОСОФИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА В РОМАНЕ Т. ДРАЙЗЕРА
«АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ»**

Хабибулина Г.Н.

Елабужский педагогический государственный университет

г. Елабуга, Россия

В атмосфере идейного бездорожья и социальной расшатанности угрожающе проявились первые симптомы общественной болезни, которая принесёт неисчислимы беды человечеству XX века. Пресса США в 20-е годы XX века воспевала процветание. [1,37] Личность сбилась с пути, унижена обстоятельствами, главная причина – поклонение культу доллара. Человек выпал из «экологической» системы культуры, потерял самоориентацию, попал в слепую зависимость. Особо опасным это было для молодёжи из мелких слоёв общества. Личность брошена в круговорот общественных страстей, втянута в идейную борьбу, оказалась беззащитной перед соблазном «недоконченных» идей, сомнительных общественных теорий. Множество подобных примеров в романе Драйзера «Американская трагедия». С первых страниц романа Гриффитс, наблюдая за окружающим миром, решил, что всё человечество разделено на две категории – «сильные» мира сего (богатые люди) им всё доступно, всё дозволено и бедные, те же «твари дрожащие». Драйзера всегда привлекало творчество Достоевского: сочувствие к судьбе униженных и оскорблённых. У русского классика Драйзер учился умению проникать в душу человека, правдиво раскрывать запутанный ход мыслей, чувств, поэтому роман «Американскую трагедию» часто называют американским «Преступлением и наказанием». Схожи также и причины, истоки совершения преступления. Клайд начинает исповедовать религию вседозволенности, чтобы приблизиться к людям первой категории, он решил, во что бы то ни стало разбогатеть «Великолепные автомобили проносились мимо, праздные пешеходы спешили к занятиям и развлечениям, ... – всё волновало ощущением

чего-то лучшего более красивого, чем его жизнь. ... Что за несчастье родиться бедным» [2,24]. Герой полагает, что законодателем нравственности является не Бог, а доллар.

Роман «Американская трагедия» - идеологический, идеи вырастают в умах и сердцах, высеиваются в души всех героев. Мысли и чувства сестры Клайда Эсты постоянно «вертелись вокруг любви, приятной жизни. ... Её влекли красивые наряды. ... и она знала лишь одно, что рано или поздно, во что бы то ни стало, приблизится к мечте» [2,33]. Подобная жизненная позиция и у Гортензии Бригс, которая знала, что единственный её товар – внешность, героиня мечтала продать её подороже: «Она поняла, что у Клайда есть кое-какие деньги, и он готов тратить их на неё» [2,101]. Все эти герои идеологические близнецы, Клайд, работая в отеле, понимал лишь одно: «... если хочешь добиться успеха необходимо расположить к себе людей, сделать или сказать что-то такое, что бы понравилось им» [2,48.]. Всё в этом месте казалось ему атрибутом наивысшего социального благополучия. Герой заглядывает в комнаты, для него это «всё равно, что заглянуть в рай. Быть богатым – значит делать всё, что душе угодно. ... Он восхищается потоком мелких подачек» [2,89]. Драйзер создал роман, воспроизводящий картины социальных страданий городской бедноты, роста социального неравенства, преступности, проституции, процесса морального разложения (многочисленные сцены в гостинице: убийства из-за денег, гомосексуализм, распродажа тел). Жизнь ставит людей в такие тупики, когда безнравственным становится само требование нравственности. Автор видит причину разрушения духовности ещё и в равнодушии людей, которые относятся друг к другу с подозрением и недоверием, их объединяют только злорадство и любопытство к несчастьям ближнего.

Вторая часть романа контрастна первой: это уже не убогий городской пейзаж, а изображение богатых кварталов, дорогих автомобилей, роскошных особняков, описание той самой элиты, войти в которую мечтает герой, но эти

люди не меньшие теоретики. Возращение в себе теорий, построение планов – особенность жизни человека XX века.

Гилберт Гриффитс – двоюродный брат Клайда мечтает стать хозяином фабрики воротничков и занять место отца. Их отношение к людям одинаково «полагали, что чем ближе к границе нужды и лишений стоит новичок на их фабрике, тем лучше. Они считали необходимым существование социальной лестницы» [2,195.]. Теперь герой всего лишь племянник хозяина фабрики, один из «Гриффитсов», кроме того, он сильно похож на Гилберта (их даже путает Сондра). Появляется внешне близнецная пара, но это не пугает Клайда, наоборот, герой горд. Автор испытывает людскую человечность через брошенные в души персонажей идеи, проверяя их. Данную проверку не прошла и Роберта, родители которой стопроцентные американцы, а это значит, больше всего на свете чтят иллюзии. Девушка мечтает лишь выбраться из бедности и убожества родительского дома, рано начинает работать и внимание Клайда – это шанс ускорить задуманное «Роберта лучше поняла, какого положение Клайда и какой он привлекательный, заметила ... внимание к ней» [2,271.]. Оба героя мечтают о достатке и даже пути его достижения выбирают одинаковые. Клайд тоже понимает, что брак с С. Финчили – это возможность быстрого достижения цели и лишь одно препятствие необходимо устранить: ожидающую ребёнка Роберту. У светской красавицы Сондры своя теория. Она заинтересовалась племянником Гриффитсов не просто потому, что он ей симпатичен, а потому, что героине захотелось бросить вызов обществу и собственным родителям, озабоченным выбором достойного, обеспеченного спутника жизни. «А знаете, хорошо бы взять его под своё покровительство. Тогда его будут приглашать в разные дома. Любопытно посмотреть, как это понравится Гриффитсам, ... ».

Теодор Драйзер доказал, что за привлекательные силлогизмы, приходится расплачиваться кровью. Первое убийство случайное, второе - умышленное. На озере Большой Выпи герой даже не замечает красоты природы, излучающих

счастье глаз и улыбки Роберты. Он лишь слышит зловещий звук птиц «Кыт-кыт-кыт... кра-а-а... Такой холодный, такой резкий! ...» [2,73.] Клайд выхватывает из окружающего мира, лишь те впечатления, которые укрепляют неподвижную идею, прочно засевшую в его душе. Подготовка к преступлению, психологическая и композиционная тональность очень близки с роману Ф.М. Достоевского: описание убогости жизни, подготовка, газеты, даже в песне Роберты, как и в речи Сони Мармеладовой звучит, вскользь, слово «воскресение»: «... Если хочешь я приду в воскресенье, ... воскресение» [2,73.]. Преступление начинается не с момента осуществления, а с момента его зарождения в мыслях героя. Ещё Шеллинг писал: «Ведь и мысли, конечно, суть произведения души ...». Мотивировки поведения Клайда в романе постоянно раздваиваются, сам герой в плену у бесчеловечной идеи лишён цельности. В нём действуют два человека (на суде) одно – верующее, нравственное «я», другое – контролирующее сознание «Убить Роберту? Нет! Нет! Я должен это сделать! Должен! ... Ты придёшь к ней на помощь? Но ведь это... это... не об этом ли ты думал, не этого ли желал всё время...» [2,78.]. Поэтому и убийство больше напоминает несчастный случай: «... вода очень холодная, если я подплыву к ней мы утонем вместе, да и зачем, не этого ли я добивался?». Парадоксальная двойственность: жалость и сострадание сталкиваются с отчаянным равнодушием, роднят героя «Американской трагедии» с героем «Преступления и наказания» (Сцена на бульваре ...). После убийства оба героя мучимы угрызениями совести продолжают вести типичную для них жизнь. Клайд, оставив в комнате все улики: одежду, письма уезжает отдыхать с Сондрой, судорожно прислушиваясь к светским новостям. Жизнь и для Раскольникова и для Клайда оказывается и мудрее и сложнее, она торжествует над ними. Герой Драйзера, одержимый идеей о богатстве вынужден лгать себе и другим, и ложь разрушает его, подобно многочисленным героям Достоевского, Бальзака, Стендаля ... Клайда подводит внутреннее ощущение своей преступности, поэтому Мейсон открывает перед ним психологические

расчёты. И этот герой тоже теоретик, главное для него, как для человека не довольного жизнью, имеющего дочерей, осудить не Клайда, а фамилию, он не понимает, что играет человеческими судьбами, честью, достоинством. Есть в Мейсоне что-то от Порфирия (Достоевский), от Иудушки (Салтыков-Щедрин), Гобсека (Бальзак) ... Та же «паутина», липких, лживых слов, та же паучья хлопотливость. Как и Драйзер, Гриффитс приходит к осознанию иной жизни, но этим ничего не изменить. Перед читателем лишь частный случай, подобных примеров тысячи. Показателен финал романа «Американская трагедия»: «Рядом идёт мальчик лет семи-восьми, бойкий, глазастый, ... живой и грациозный... «Дай монетку, бабушка! Я сбегаю на угол за мороженым!» – попросил мальчик. Её дорогой мальчик свет и радость её на склоне лет. Она должна быть добра к нему, не слишком строга, как, может быть, она была к... И вся маленькая группа, кроме Рассела, вошла в невзрачную жёлтую дверь и скрылась» [2,424.] Роман Т. Драйзера написан не только о настоящем, а ещё и является пророчеством будущего, главная проблема которого утрата нравственности, духовности, вторжения штампа в жизни и сознании людей.

1. Засурский, Я.Н. Т. Драйзер – писатель и публицист / Я.Н. Засурский. М.: Московский университет. 1957. – 229с.
2. Драйзер, Т. Американская трагедия